

no

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Железный крест (Tyskungen)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ЖЕЛЕЗНЫЙ
КРЕСТ

Москва
2022

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
TYSKUNGEN

Copyright © 2007 Camilla Läckberg.
First published by Forum, Sweden. Published by arrangement
with Nordin Agency AB, Sweden

Фото автора на форзаце: Magnus Ragnvid

Дизайн полусупера:
Scandinavian Design Group, Oslo — Norway

Лэкберг, Камилла.

Л92 Железный крест / Камилла Лэкберг ; [перевод с
шведского С. В. Штерна]. — Москва : Эксмо, 2022. —
480 с.

ISBN 978-5-04-156758-3

Двое подростков, желая тайком посмотреть коллекцию реликвий Второй мировой войны, проникают в дом чудаковатого историка — и находят его убитым. Кому в тихом шведском городке помешал старик, посвятивший жизнь разоблачению нацистских преступников? Этот вопрос интересует полицию. Но еще больше — писательницу Эрику Фальк. Ведь именно она недавно пыталась узнать у покойного историка, как среди доставшихся ей в наследство вещей оказалась награда Третьего рейха — Железный крест — и почему ее мать всю жизнь хранила запачканную кровью детскую рубашку...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Штерн С.В., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-156758-3

Посвящается Вилле и Мейе

В комнате стояла полная тишина, если не считать тихого, зловещего, ни на секунду не умолкающего жужжания. Человек в кресле сидел неподвижно. Уже давно. Собственно, его нельзя было назвать человеком.

Сотни, если не тысячи мух роились вокруг застывшей фигуры — иногда садились, потом опять поднимались в воздух, выискивая место, где бы еще присесть. Особенно привлекала их голова с огромной раной. Характерный металлический запах крови сменился другим — запахом тления.

Кровь давно запеклась. Вначале она текла по затылку, по спинке кресла, образовала на полу небольшую лужу. Когда-то она была красной, полной живых кровяных телец, а теперь превратилась в черную, клейкую, смолообразную массу.

Мухи наелись досыта, отложили яйца, делать им здесь больше ничего не оставалось. Но все окна были наглухо закрыты, и мухи раз за разом бились о холодное стекло, пытаясь преодолеть невидимый барьер. Безрезультатно. Голод вновь давал о себе знать, и они в который раз облепляли неподвижное тело. Тело, которое когда-то было человеком.

Эта мысль не покидала Эрику с начала лета. Она тщательно взвешивала все «за» и «против», потом наконец решалась — и каждый раз откладывала. Останавливалась

у лестницы. Ну да, конечно, все можно объяснить, отговорок сколько угодно — суета после свадьбы, Анна с детьми, в доме сплошной хаос... но себя не обманешь. Она просто-напросто боялась. Боялась ворошить прошлое... вполне могло выплыть что-то, о чем она предпочла бы не знать.

Эрика чувствовала, как у Патрика на языке вертится вопрос: почему бы тебе не разобраться с этой историей, посмотреть тетради, по крайней мере? Но он так этот вопрос и не задал, а задал бы — ей было бы нечего ответить. Что-то ее пугало... скорее всего, не хотелось разрушать уже сложившиеся привычные представления о своей семье. Воспоминания о матери... Не сказать, чтобы они были чересчур уж теплыми, но она с ними сжилась. Скорее всего, на чердаке найдутся только дополнительные подтверждения: да, так оно все и было. Но Эрика боялась, что привычная картина окружающего ее мира, привычные воспоминания и привычные оценки — все рухнет, и придется осмысливать новую реальность, мириться, сживаться, искать новые объяснения и новые ценности... все новое. Все станет другим. И как она будет жить?

Но сегодня она решилась. Вдохнула, выдохнула — и поставила ногу на первую ступеньку чердачной лестницы. Снизу доносился залиvistый смех Майи — должно быть, Патрик, как всегда, подбрасывал ее в воздух. Почему-то детский смех подействовал на Эрику успокаивающе. Она поднялась еще на одну ступеньку и загадала — если ступенька скрипнет, она откажется от всего предприятия. Нет, не скрипнула. Еще пять ступенек — и Эрика на чердаке.

Здесь было тихо. Пыль с открытого люка еще висела в воздухе. Они с Патриком порой подумывали — чердак можно переоборудовать, сделать мансарду. Когда Майя подрастет, у нее будет в доме свой угол. Сейчас-то чердак выглядел таким же, каким оставили его когда-то строители, — плохо обструганные широкие доски пола, торчащие балки, будто шпангоуты старинного корабля, повсюду свалено ба-

рахло — елочные украшения в ящиках, старая обувь и чемоданы, ползунки и комбинезончики Майи, из которых она выросла, и прочее, и прочее... Все это наверняка никогда не понадобится, а выкинуть почему-то жалко.

Сундук стоял у торцевой стены — старый, обитый по краям жестью, деревянный сундук. У Эрики осталось смутное детское воспоминание — кажется, такие сундуки назывались «американский коффер». Она присела на корточки, провела рукой по крышке и, почему-то не дыша, открыла замок. На нее пахнуло застоявшимся воздухом. Она сморщила нос — интересно, что это за запах? Чем может пахнуть в закрытом сундуке? Скорее всего, плесень, решила Эрика, и у нее тут же зачесалось в голове.

Она прекрасно помнила, как они с Патриком в первый раз открыли этот сундук. Детские рисунки — ее и Анны, какие-то поделки, принесенные домой с уроков труда. Странно, что мать их сохраняла, — ее, как казалось Эрике, совершенно не волновали их детские достижения. Она вспомнила, как начала доставать из сундука вещь за вещью — медленно, аккуратно раскладывая их на полу. То, что ее заинтересовало, лежало на самом дне, она это помнила.

Осторожно достала детскую рубашечку. Совсем крошечная... Пощупала ткань — что-то вроде батиста. Когда-то рубашка была белой, но пожелтела от старости. И эти пятна... Тогда она решила, что это ржавчина, но быстро сообразила — нет, не ржавчина. Высохшая кровь. Ее опять поразил этот нелепый, леденящий душу контраст — крошечная рубашонка с пятнами крови. Как она здесь оказалась? Чья это рубашка? И что заставило мать сохранить ее, не выкинуть сразу? Мало ли что, ребенок порезался, кровь пошла носом... не такое уж событие, чтобы годами хранить окровавленную рубашку.

Эрика отложила ее в сторону. Тогда, в первый раз, в сундуке лежал еще один памятный предмет, единственное, что она вынула сразу, и теперь его тут не было. В испачканную кровью детскую рубашку раньше была завернута нацист-

ская медаль. Эрика удивилась своей реакции — у нее пересохло во рту, сердце забилося быстрее, перед глазами замелькали кадры бесчисленных документальных фильмов. Что делает нацистская медаль здесь, во Фьельбаке? В ее доме, среди вещей, принадлежавших не кому-то, а ее матери? Она хотела тут же сунуть медаль назад в сундук, но Патрик убедил ее, что находку следует показать экспертам: может быть, удастся что-то понять. Она неохотно согласилась. Внутренний голос нашептывал ей: сунь эту чертову медаль назад и забудь. Но любопытство взяло верх, и в начале июня она отнесла медаль к специалисту по истории Второй мировой войны. Теперь осталось дожидаться экспертизы — может быть, удастся что-то выяснить о происхождении нацистской награды и как она попала во Фьельбаку.

Но больше всего Эрику интересовали четыре синие тетради на самом дне сундука. Она еще в первый раз сразу узнала почерк матери — характерный острый почерк с наклоном вправо, хотя немного покруглее, почти ученический. Но тогда что-то ее остановило, а сейчас Эрика достала все четыре тетради и положила на пол. На обложках было старательно и крупно выведено: ДНЕВНИК. Дневник матери... Она сама не знала, как определить свои ощущения. Любопытство? Возбуждение? Нетерпение? Да, конечно... но и страх, сомнения и неприятное чувство, будто она подглядывает за чужой жизнью. Есть ли у нее такое право? Право влезать в сокровенные мысли и чувства своей матери? Дневник — это дневник, он не предназначен для посторонних глаз. Мать писала не для того, чтобы кто-то, тогда или после, совал нос в ее секреты. И уж во всяком случае, не ее дочь. Но Эльси умерла, и спросить разрешения было не у кого. Она сама должна решить, как поступить с дневниками матери.

— Эрика? — Чересчур громкий голос Патрика прервал ее мысли.

— Да-а?

— Гости уже собираются!

Она посмотрела на часы. Господи, уже три! Сегодня Майе исполняется год, должны прийти самые близкие — родственники и друзья. Патрик, должно быть, решил, что жена заснула здесь, на чердаке.

— Иду! — Эрика отряхнула пыль, подумав, взяла тетради и рубашку под мышку и спустилась вниз.

Из гостиной на первом этаже уже доносился многоголосый веселый шум.

— Прошу, прошу, добро пожаловать! — Патрик отошел в сторону, пропуская гостей.

Юхан и Элизабет, пара, с которой они познакомились через детей — у них был сын в том же возрасте, что и Майя, со звучным именем Вильям. Увидев Майю, тот издал победный клич, потопал к предмету своего обожания и, не медля ни секунды, с ловкостью хоккеиста НХЛ свалил девочку на пол. Она горько заплакала, а родители подхватили сияющего Вильяма на руки.

— Знаешь, парень, так не годится, — с деланой серьезностью сказал Юхан своему любвеобильному отпрыску. — С девушками надо обращаться деликатно.

— А тебе не кажется, что его стиль ухаживания напоминает твой? — засмеялась Элизабет и удостоилась укоризненного взгляда мужа.

— Ладно, не ной, малышка, ничего страшного не случилось. — Патрик поднял плачущую дочь на руки и крепко обнял.

Майя мгновенно перестала плакать, пару раз всхлипнула и улыбнулась. Патрик поставил ее на пол и подтолкнул к обидчику.

— Посмотри-ка, что Вильям тебе принес! Пакет!

Магическое слово тут же возымело действие. Юхан поставил сына на пол, и тот с величайшей серьезностью протянул Майе перевязанный красивой кудрявой ленточкой сверток. Поскольку дети еще не достигли совершенства

в искусстве хождения, дарителю оказалось трудно совместить вручение пакета с удержанием равновесия — со всего маху он хлопнулся на попу и собрался было заплакать, но, увидев сияющую мордашку Майи, тут же забыл про боль. Правда, судя по всему, она была не так уж и сильна — памперсы служат неплохими амортизаторами.

— Йи-и-и!.. — воскликнула Майя и начала дергать за ленточку.

Из этого, естественно, ничего не вышло, губы ее задрожали, и Патрик поспешил на помощь. Он развязал сверток, и на свет божий появился серый плюшевый слоник. Девочка прижала его к груди и начала от восторга перебирать ножками, что привело к тому же результату — Майя тоже приземлилась на попу, но ловко и изящно, как будто так и было задумано. Ее поклонник подошел и начал гладить слоника. Именинница издала ревнивый вопль, но Вильям, очевидно, истолковал его как поощрение и продолжил свои попытки. Явно назревал конфликт.

— Время выпить кофе, — сказал Патрик.

Он поднял Майю на руки и пошел в гостиную, Вильям с родителями последовали за ним. Мальчика посадили перед большим ящиком с игрушками, и мир был восстановлен, по крайней мере на время.

— Всем привет! — Эрика сбежала по лестнице, пообнималась с гостями и погладила Вильяма по голове.

— Кому кофе? — крикнул Патрик из кухни и получил в ответ единоголосное «мне!».

— И как ты себя чувствуешь в качестве жены? — Юхан улыбнулся и обнял Элизабет за плечи.

— Спасибо, как всегда. Разве что Патрик упрямо называет меня «женкой». Может быть, посоветуете, как отучить его от этого? — Эрика подмигнула приятельнице.

— Как-как... Не сдаваться, вот как. Постепенно «женка» станет «господином генералом». Так что не беспокойся... Кстати, где Анна?

— Она у Дана, они теперь живут вместе... — Эрика многозначительно подняла брови.

— Легки на подъем. — Элизабет тоже подняла брови: нормальная реакция на нормальную сплетню.

В дверь позвонили. Эрика вскочила.

— Это наверняка они. Или Кристина...

Имя Кристины она произнесла так, словно у нее во рту были кусочки льда. После свадьбы отношения со свекровью постепенно становились все более и более натянутыми. Главной причиной было настойчивое желание Кристины отговорить Патрика брать четырехмесячный отпуск по уходу за ребенком. «Как ты можешь! Ты должен думать о карьере!» Но Патрик уговорам матери не поддался — наоборот, чем больше она нажимала, тем он упорнее настаивал, что всю осень дочкой будет заниматься он и только он.

— Привет! Я не ошиблась? Это здесь, кажется, у кого-то день рождения? — донесся из прихожей голос Анны.

У Эрики стало тепло на душе — как всегда, когда она слышала веселый голос младшей сестры. Много лет этих радостных ноток было не слышно, но теперь Анна влюблена и счастлива.

Поначалу Анна очень переживала, что объектом ее любви оказался именно Дан. Но Эрика только посмеялась: ее собственные отношения с Даном закончились давным-давно, целую вечность назад. Конечно, такая рокировка казалась немного странной, но не более. Куда важнее было другое: к Анне вернулось хорошее настроение.

— А где моя любимица? — пророкотал огромный светловолосый Дан, заглядывая в комнату.

Между ним и Майей был настоящий роман: едва слышав голос Дана, девочка тут же появилась в прихожей и двинулась к нему, протягивая ручонки.

— Ки-и?

Эрика была готова поклясться, что в Майином восклицании прозвучали отчетливые вопросительные интонации.

Девчушка, очевидно, начала что-то понимать насчет дня рождения и связанных с этим событием преимуществ.

— А как же, а как же! — Дан кивнул Анне.

Та протянула Майе большой розовый пакет, перевязанный серебряной ленточкой.

Именинница немедленно высвободилась из объятий Дана и приступила к вскрытию. На этот раз ей помогала Эрика, и вскоре в руках у Майи оказалась большая кукла с закрывающимися глазами.

— Ука! — счастливо выдохнула девочка, изо всех сил обняла куклу и потопала к Вильяму хвастаться.

Новый звонок в дверь — пришла Кристина. Эрика терпеть не могла манеру свекрови — обозначить свое появление коротким символическим звонком и, не дожидаясь ответа, вломиться в прихожую.

Процедура разворачивания пакета повторилась снова, но на этот раз успех был, мягко говоря, скромным. Майя задумчиво посмотрела на стопку тряпок и заглянула в пакет еще раз — нет ли там чего-нибудь более интересного.

— Я в последний раз обратила внимание, что она выросла из своих кофточек, а вчера в «Линдексе» была распродажа, три по цене двух. — Кристина довольно улыбнулась. Реакцию внучки она просто-напросто не заметила.

Эрика с трудом сдержала желание произнести сентенцию на тему, что только законченный идиот дарит тряпки годовалому младенцу. Не только Майя разочарована, но свекровь ухитрилась воткнуть шпильку и ей, Эрике: ясное дело, она настолько плохая мать, что не в состоянии следить за гардеробом своего ребенка.

— Настал час торта! — У Патрика было идеальное чутье, когда следует перевести разговор на другие рельсы.

Эрика сдержалась, и они проследовали в гостиную. Сейчас должна была начаться главная церемония дня — торжественное задувание свечей на торте. «Свечей...»

Громко сказано — свечка была всего одна, по числу прожитых именинницей лет. Майя, по-видимому, осознавала серьезность процедуры — прежде чем дунуть, она несколько раз надувала на пробу щеки, но все равно не получилось: она щедро оросила торт брызгами слюны, а свечка продолжала гореть как ни в чем не бывало. При следующей попытке Патрик дунул у нее из-за плеча, и цель была достигнута. А когда все запели традиционную песню в честь новорожденной «жить ей и жить ей, жить ей и жить ей, жить ей и жить ей до старости лет», у Эрики к горлу подкатил комок. Исподтишка посмотрела на Патрика — тот тоже тронут. Их крошке исполнился год. Она уже бегаёт, хлопает в ладоши, когда слышит заставку «Булибумбы», самостоятельно ест, награждает родителей поцелуями, мокрее которых не сыщешь во всей Северной Европе, и обожает весь мир. Эрика улыбнулась Патрику, и он улыбнулся ей в ответ. Жизнь прекрасна.

Мельберг тяжело вздохнул. В последнее время он часто вздыхал. Весенние неудачи не выходили из головы. Хотя удивляться было нечему, сам и виноват — расслабился, потерял контроль, позволил себе плыть по течению. Такое не проходит безнаказанным. Кто-кто, а он-то должен был это понимать. Ну что ж, хороший урок на будущее. Он не из тех, кто повторяет ошибки.

— Бертиль? — раздался настырный голос Анники из приемной.

Отработанным элегантным жестом он откинул со лба волосы и неохотно поднялся. Не так много было женщин на свете, кто мог бы ему приказывать, но Анника Янссон как раз принадлежала к этой группе. С годами он даже начал испытывать к ней уважение — и тут она, пожалуй, одна составляла всю категорию подобных людей. Весной в отделе все время работали какие-то бабы, и ничего хорошего из этого не вышло. А теперь еще одна... Он опять вздохнул. Неуже-